

«Захватывающе!»

SF CROW'S NEST

МАРИ БРЕННАН

ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ДВОР

— ∞ — И ∞ —

В ПЕПЕЛ
ОБРАЩЕН

ОТ АВТОРА СЕРИИ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДРАКОНОВ»

Мари Бреннан
Халцедоновый Двор.
И в пепел обращен
Серия «Халцедоновый Двор», книга 2

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/51747195>

Халцедоновый Двор. И в пепел обращен: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119480-2

Аннотация

Год от Рождества Христова 1666-й. Король и парламент бьются за власть, пуская в ход и войска, и интриги. У двора дивных глубоко внизу, в недрах Лондона, тоже хватает врагов. Старые обычаи трещат по швам, и никто не знает, что придет им на смену. Но вот грядет опасность еще более страшная – та, что способна уничтожить все. В доме спящего пекаря из печи вылетает на волю искра, а из той искры возгорается пожар, который сожжет Лондон дотла. В то время как люди борются с пламенем, пожирающим улицу за улицей, дивные выходят на бой с врагом не столь осязаемым – с самим духом Великого Пожара, способным испепелить все на своем пути. Придется смертным и дивным забыть обо всем, что бы их ни разделяло, и вместе, плечом к плечу, биться за жизнь самого Лондона...

Содержание

Действующие лица	5
Пролог. Искра	13
Часть первая. Надежды на властителей 1639– 1642 гг.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мари Бреннан
Халцедоновый Двор.
И в пепел обращен

Marie Brennan
IN ASHES LIE

Copyright © 2009 by Marie Brennan

All rights reserved.

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Действующие лица

Английская королевская семья

Карл Стюарт, первый носитель сего имени – *король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии*

Генриетта Мария – *королева при Карле I*

Карл Стюарт, второй носитель сего имени – *принц Уэльский, затем король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии*

Екатерина Брагансская – *королева при Карле II*

Яков Стюарт – *герцог Йоркский, брат Карла II*

Яков Стюарт – *покойный король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, отец Карла I*

Мария Стюарт – *покойная королева Шотландии, мать короля Якова*

Палата лордов

Уильям Лод – *архиепископ Кентерберийский*

Томас Уэнтворт – *лорд-лейтенант Ирландии, родоначальник графов Страффордов*

Томас Грей – *лорд Грей из Гроби*

Джон Мордаунт – *виконт Мордаунт из Авалона, заговорщик-роялист*

Эдуард Хайд, позднее – *граф Кларендон, заговорщик-роялист*

Уильям Крэйвен – *граф Крэйвен*

Максвелл – *герольдмейстер Палаты лордов*

Палата общин

Джон Гленвилл – *спикер Палаты общин*

Уильям Лентхолл – *спикер Палаты общин*

Сэр Энтони Уэйр

Томас Соам

Исаак Пеннингтон – *олдермены, члены парламента от Лондона*

Джон Пим – *лидер парламентской фракции*

Джон Гемпден

Дензил Холлис

Артур Хезилридж

Уильям Строд – *союзники Джона Пима*

Сэр Фрэнсис Сеймур – *рыцарь, член парламента*

Уильям Принн – *член парламента*

Армия нового образца

Оливер Кромвель –генерал, член парламента, затем лорд-протектор Англии

Генри Айртон –генерал, член парламента

Томас Ферфакс –лорд Ферфакс из Камерона, также генерал

Томас Прайд –полковник

Эдмунд Ладлоу –офицер

Ричард Кромвель –сын Оливера Кромвеля, второй лорд-протектор Англии

Джордж Монк –генерал, командующий силами Армии в Шотландии

Лондонцы

Сэр Моррис Эббот

Томас Аллен

Сэр Томас Бладуорт –лорд-мэры Лондона

Сэр Уильям Тернер –олдермен Лондона

Кэтрин Уэйр –жена сэра Энтони Уэйра

Бернетт –лакей сэра Энтони Уэйра

Томас Фаринор –пекарь

Хамфри Тейлор –пуританин

Бенджамин Гипли –глава тайной службы

Джон Лилберн –вождь левеллеров¹

Марчмонт Нидхэм –журналист, газетчик

Джон Брэдшоу –лорд-председатель Высокого суда правосудия

Элизабет Мюррей –наследная графиня Дайсарт, заговорщица-роялистка

Джон Эллин –врач и хирург

Сэмюэл Пипс –автор известного дневника

Робер Юбер –государственный преступник

Сэр Майкл Девен –смертный человек, ныне покойный

Халцедоновый Двор

Луна –королева Халцедонового Двора

Валентин Аспелл –лорд-хранитель

Амадея Ширрел –леди обер-гофмейстерина

Нианна Кризант –правительница гардеробной

Сэр Пригурд Нельт –великан, капитан Халцедоновой

Стражи

Сэр Керенель

¹ Левеллеры [буквально – уравнители (*англ.*)] – радикальная политическая партия, требовавшая сосредоточения всей полноты власти в руках народа, управления через ежегодно избираемых представителей, свободы в промышленности, обложения налогами по доходам и законодательной передачи земли в вечное пользование земледельцам. Здесь и далее – *примеч. пер.*

Сэр Эссен

Сэр Меллеган

Сэр Перегрин Терн

Кавалерственная дама² Сигрена – *рыцари Халцедоновой*

Стражи

Гертруда Медовар – *брауни из Ислингтона*

Розамунда Медовар – *ее сестра, также брауни*

Сэр Лислик – *эльфийский рыцарь*

Льюэн Эрл – *эльфийский лорд*

Карлина – *эльфийская леди*

Ангризла – *мара, ночное видение, вселяющее страх*

Том Тоггин – *хобани*³

Костоглод – *баргест*⁴

Чернозубая Мег – *речная ведьма, хозяйка реки Флит*

Иноземные, изгнанные и усопшие дивные

Фиаха

Нуада

Дагда – *Ард-Ру, Верховные короли Ирландии*

² В Англии, а затем Великобритании – эквивалент рыцарского звания для женщин.

³ В английском фольклоре – одна из разновидностей домового.

⁴ В английском фольклоре – мифическое существо, черный пес с горящими глазами, огромными клыками и когтями; предвестник несчастий и скорой смерти.

Конхобар –король Ольстера

Эоху Айрт –оллам⁵, посол из Темера

Айлилль –король Коннахта

Медб –королева Коннахта

Федельм Прозорливое Око –поэтесса, посланница из Те-

мера

Никневен –Гир-Карлин (королева) фэйфских дивных

Кентигерн Нельт –великан в изгнании, брат сэра Пригурда

Нельта

Альгреста Нельт –их сестра, также великаниша, ныне покойная

Кунобель –рыцарь в изгнании, брат сэра Керенеля

Ифаррен Видар –лорд в изгнании

Оргат –наури⁶ из Приграничья

Калех Бейр –Синяя Ведьма, Хозяйка Зимы

Велунд Кузнец –король долины Белой Лошади

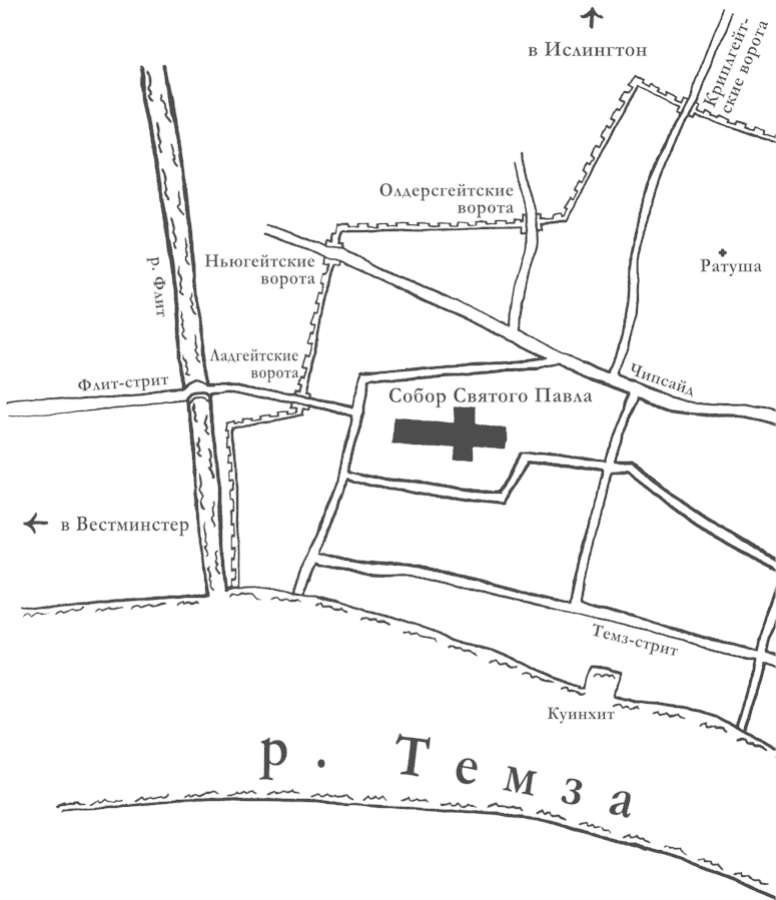
Иррит –дивная из Беркишира

Инвидиана –королева Халцедонового Двора, ныне покой-

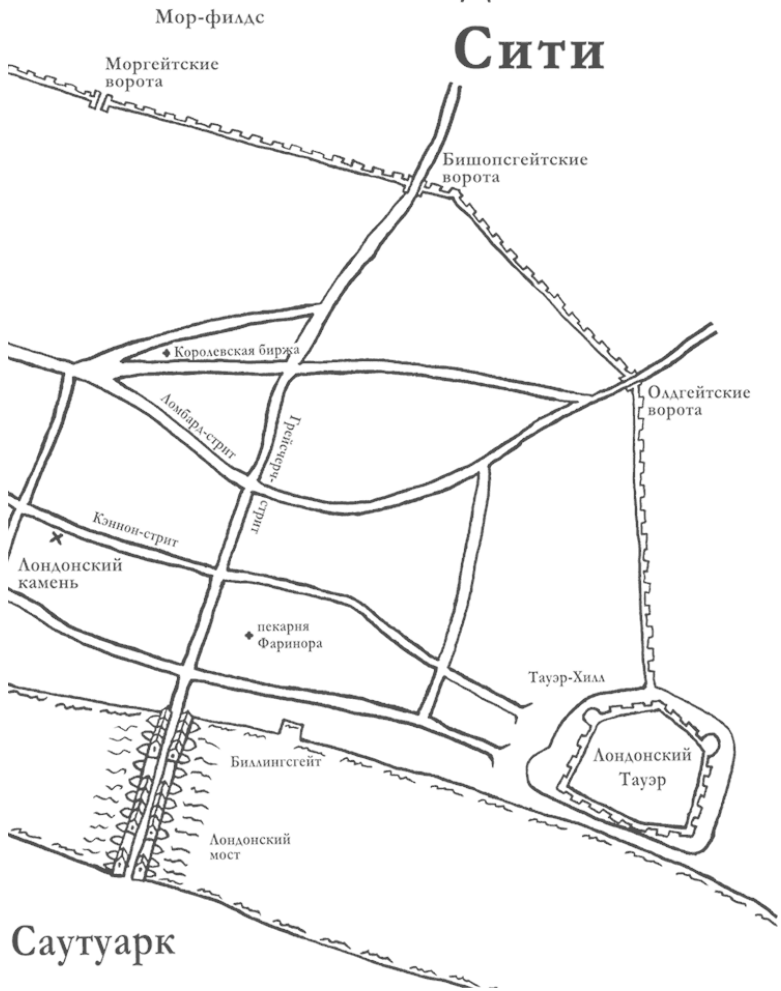
ная

⁵ В данном случае – великий поэт, бард (ирл.).

⁶ В английском и шотландском фольклоре – злобные создания, обитающие в древних замках и дозорных башнях на границе, где творились преступления и проливалась кровь; сродни так называемым красным колпакам.

Лондонский Сити

Пролог. Искра

Пудинг-лейн, Лондон, воскресенье, 2 сентября 1666 г.

В тот ранний, предутренний час пекарня была темна и безмолвна. Освещали ее лишь угли в очаге. Под куполом печи, стоически ждавшей утреннего бремени – караваев хлеба и горшков печеного мяса, – покоились, что твои личинки в пчелином улье, поленья дров. Да, воскресенье – день отдохновения, но не поста, а значит, пекари должны трудиться и сегодня.

Угли то вспыхивали, то затухали. По закону пекарям полагалось гасить и печь, и очаг еженощно – ведь город, выстроенный из дерева, жил в непрестанном страхе перед пожарами. Однако каждое утро растапливать огонь заново – дело хлопотное, а посему большинство позволяли печам на ночь остыть, но угли в очаге сгребали и сберегали так, чтоб поутру проще было вздуть огонь.

Вишнево-алый уголь со вздохом рассыпался в золу, и в воздух взвилась стайка искр.

Наверху, во втором этаже, крепким сном спал Томас Фаринор. Дела у пекаря ладились: он поставлял Королевскому военному флоту морские сухари и в эти времена, во времена войны с голландцами, отнюдь не сидел без работы. Кроме него с дочерью, Ханной, в доме имелась и горничная, и слуга, дабы заботиться о хозяевах и помогать управляться в

пекарне.

Искры из очага вылетали и прежде. Вылетали – и в скором времени гасли, обращаясь черной золой, испятнавшей потолочные балки, и стены, и вымощенный кирпичом пол. Вот только сегодня одна, танцуя, кружа в незримых токах воздуха, упорхнула дальше других и, наконец, отыскав себе покойное местечко, угнездилась на сложенных в печи дровах.

На одной из лучинок растопки замерцал крохотный огонек. Впоследствии Фаринор заявит, что, покончив с дневными трудами, прибрал огонь, как подобает. И золу-то из печи выгреб дочиста, и пол-то кирпичный вымел начисто... Да, все это он исполнил, но – спустя рукава. В полночь его дочь, Ханна, осмотрела кухню и поводов для опасений не нашла.

Однако теперь, час спустя, пекарня вновь озарилась светом. Закопченные балки под потолком окутала дымная пелена. Слуга Фариноров, спавший в первом этаже, нахмурился, заворочался под одеялом. Дыхание его сделалось неровным, он кашлянул во сне раз, и другой, и, наконец, пробудившись, заметил опасность и с хриплым воплем выпутался из одеяла. К этому времени в кухне стало светло, как днем: печь и очаг весело полыхали, а заодно с ними пылали и щепки на полу, и поленицы заготовленных дров. Дощатые стены, хорошенько высушенные долгим летним бездождем, дымились, а на ощупь оказались горячи. Спотыкаясь на ходу, почти ничего не видя в удушливой мгле, слуга по наитию бросился к лестнице.

Клубящийся дым последовал за ним и навверх. Отчаянно завопив, слуга что было сил забарабанил в хозяйскую дверь.

– Пожар! Проснитесь, Бога ради: дом горит!

Дверь распахнулась настежь. Похоже, Фаринор, возникший на пороге, протирая спросонья глаза, не понимал, в чем дело. Однако, стоило ему дойти до верхних ступеней лестницы и увидеть происходящее собственными глазами, всю его дрему сняло, как рукой.

– Господи всемогущий, – прошептал он и со всех ног устремился назад, через собственную спальню, к двери в смежную комнату.

Ханна просыпалась ужасно неспешно, а ее горничная – и того медленней. Поднявшись, обе поспешили за башмаками (слуге Фаринор одолжил пару своих). Но, как бы они ни торопились, а мешкали слишком долго: огонь успел охватить подножье лестницы.

Горничная завизжала, вцепилась в хозяйку, закашлялась в едком дыму.

– Нужно попробовать! – прикрикнула на нее Ханна.

Подобрав подол рубашки, она прикрыла лицо рукавом – от дыма, и ринулась сквозь немилосердный жар вниз, в адское пекло первого этажа.

– Ханна!

Отец ее бросился следом. Вот Ханна скрылась в застилавшем глаза дыму, но в следующий же миг снизу донесся пронзительный крик, и устремившаяся назад дочь, спо-

ткнувшись, рухнула прямо на Фаринора. Подол ее рубашки занялся огнем. Падая, оба чувствительно ушиблись о доски ступеней. Фаринор без раздумий сбил пламя ладонями и волоком потащил хнычущую от боли Ханну наверх, к иллюзорной безопасности комнат второго этажа. Казалось, ноги Ханны совсем ослабли в коленях.

– Окно, – сказал его слуга. – Нужно попробовать выбрать-ся через окно.

Будь дело обычной ночью, Фаринор объявил бы это случившимся идиотизмом, но если единственная альтернатива – смерть...

– Но мы же не сможем слезть вниз.

Однако слуга уже лязгал оконными задвижками.

– Тогда взберемся на крышу. Если вы пойдете первым, я помогу вашей дочери.

Не раз расширявшийся за многие годы, верхний этаж выдавался наружу настолько, что нависал над улицей козырьком. Жадно хватая ртом свежий воздух, Фаринор с трудом протиснул в узкий оконный проем погрузневшее к старости тело и уцепился за карниз над головой. Пальцы соскользнули, отчего он едва не рухнул на мостовую, однако слуга вовремя поймал его ногу, подтолкнул хозяина наверх, и Фаринор благополучно поднялся на край крыши. За ним в окно полезла Ханна, до крови прокусившая губу, когда слуга крепко стиснул ее покрытые волдырями ноги.

– На помощь! – закричала она, едва обретя голос. – По-

жар! Просыпайтесь, вставайте – пожар на Пудинг-лейн!

В окнах напротив замелькали фигуры соседей. Дом Фариноров был отнюдь не единственным в своем роде: верхние этажи многих домов превосходили границы отведенных под них наделов, так что до окон напротив, за стеклами коих на миг показались и тут же исчезли расплющенные носы, было рукой подать.

Тут Ханна неудержимо раскашлялась от боли и дыма, но к этому времени ее крик подхватил Фаринор. Потому-то именно Ханна первой увидела, как на край крыши, подтянувшись, влезает их слуга... но где же горничная?

– Она не пойдет, – пояснил слуга, дико, сурово взглянув на нее. – Слишком боится высоты. Я пробовал, но...

Свесившись с крыши, Ханна закричала в распахнутое окно, зовя горничную, но ответа не последовало.

Между тем, оставаться на месте было нельзя. Ступая с осторожностью, все трое пробрались вдоль карниза к соседским ставням, и Фаринор с воплем замолотил по ним каблучком. Внизу, на улице, начали появляться люди – по большей части в ночных рубахах, однако кое-кто успел и обуться, и натянуть штаны. Что от них требуется, все знали назубок.

Ставни с грохотом распахнулись, оцарапав голую икру Фаринора. Протянутые снизу руки подхватили его дочь и помогли ей спуститься в окно. За Ханной последовал сам пекарь, а за ним – их слуга. От стены меж домами веяло жаром, однако сюда огонь пока не добрался, да и кожаные вед-

ра, дабы как следует облить водой бревна и штукатурку, уже были пущены в дело.

Сбежавшиеся со всей Пудинг-лейн на зов долга, прихожане церкви Святой Маргариты на Фиш-стрит передавали ведра из рук в руки, забрасывали пламя землей и навозом, заливали молоком из кадушек – тушили пожар всем, что подвернется под руку. В тот день, в день, отведенный Господом для отдыха, они вышли на битву, спасая от огня свои дома и жизни.

Часть первая. Надежды на властителей 1639–1642 гг.

«Подумайте же серьезно: ужель подобает началу народного счастья быть писанным кровавыми письменами?..»

Томас Уэнтворт, первый граф Страфффорд, 12 мая 1641 г.

Королевская биржа, Лондон, 3 июня 1639 г.

Зной раннего лета раскалил сердце лондонской торговли, словно недра печи хлебопека, увлажняя нижние рубашки и полотняные воротники, приглушая голоса, отдававшиеся эхом от стен. На открытом дворе, среди голого камня, солнце, будто кузнечный молот, лупило по шляпам и беретам изящно одетых купцов, сошедшихся здесь по делам или ради обмена последними новостями. Некоторые нашли убежище под окаймлявшей двор галереей, тень коей сулила хоть какое-то облегчение.

Наверху, в крохотных тесных лавках, царил жуткая духота. Тщетно сэръ Энтони Уэйр обмахивал мокрое от пота лицо листами бумаги – прощением, навязанным ему каким-то человеком снаружи. Прочсть его можно было и после: сейчас ему сыскалось иное, лучшее применение. Пальцы свободной руки оглаживали бока бутылочки кобальтового стекла. Ла-

вочник по ту сторону стола просто-таки излучал ободрение. Те, кто оказывал предпочтение Королевской бирже, как правило, принадлежали к людям сортом повыше, но даже при сем обстоятельстве баронет и лондонский олдермен среди покупателей прибавил бы этому малому толику престижа.

Энтони, со своей стороны, был куда более озабочен вопросом, понравится ли бутылочка Кэт, или та лишь рассмеется над очередным подарком. Раздумывая об этом, он слишком поздно услышал, как его окликают по имени. В следующий миг человек, протискивавшийся сквозь людскую толчею снаружи, споткнулся и рухнул прямо на него. Чтоб не упасть, пришлось, обронив прошение, ухватиться за край стола.

Бутылочки на столе угрожающе зазвенели. Энтони обернулся, чтоб обругать невежу, едва не сбившего его с ног, но в последний момент прикусил язык.

– Простите, – сказал Томас Соам, вновь утверждаясь на ногах. – Кровь господня, сегодня тут толпится весь белый свет! Боюсь, я споткнулся о ногу какого-то малого.

– Невелика беда, – откликнулся Энтони, успокаивая встревоженного купца умиротворяющим жестом. – А я вас даже не заметил.

– Похоже, что и не услышали. Идемте отсюда прочь, пока на меня не налетел кто-нибудь еще и дело не дошло до беды. Что это у вас?

Энтони тяжело вздохнул, подбирая разлетевшиеся листки,

украшенные влажными пятнами, оставленными взмокшими пальцами.

– Прощение.

– О чем?

– Понятия не имею. Еще не читал.

– Возможно, разумнее и не читать. Нас завалили таким количеством просьб да ходатайств – хоть стены Ратуши ими оклеивай.

Не тратя времени даром, Соам развернулся и двинулся вдоль по наружному коридору, осторожно, однако настойчиво пролагая себе путь сквозь толпу. Следуя за широкоплечим другом, Энтони всем сердцем надеялся, что тот не имеет в виду остановиться для разговора во внутреннем дворе.

Так оно и случилось. Спустившись с галереи, оба вышли со двора и окунулись в корнхиллский гомон. Здесь Соам приостановился, пропуская грохочущую телегу, нагруженную бочонками, и Энтони поравнялся с ним.

– Куда вы меня ведете? – спросил он у молодого спутника, поудобнее сдвинув шляпу.

– В пивную, – с чувством ответил Соам. – Прочь из-под этого треклятого солнца, туда, где я смогу изложить вам новости.

Новости? Энтони насторожился. Таверна сулила тень, выпивку, а также и некую степень уединения, какого не сыщешь на Бирже, посреди скопища сплетников. Спустившись по отлогой, грязной Корнхилл-стрит вниз, они проследова-

ли к Чипсайду, где и находилось любимое питейное заведение Соама, «Голова пони». Здесь друг Энтони по-свойски чмокнул девицу-прислужницу и раздобыл обоим столик в прохладном уголке и по кружечке хереса, дабы промочить горло.

– Глядите, Том, как бы жена не прознала, – заметил Энтони, смягчив предостережение улыбкой: убежденная пури-танка, Мэри Соам не спустила бы мужу с рук такого воло-китства.

Но Соам лишь пренебрежительно отмахнулся.

– Безобидный поцелуй в щечку – что в нем такого?

Скорее, не в щечку, а в губы... но поведение младшего товарища – дело его собственной совести, и Энтони решил не продолжать.

– Итак, что привело вас ко мне? Для размышлений о чем-либо важном, пожалуй, жарковато.

– А может стать еще жарче, – отвечал Соам, имея в виду отнюдь не погоду. – Вы слышали о недавнем злосчастье Эббота? Хотя, вернее будет сказать, о нашем общем злосчастье.

Выходит, дело не личное, но политическое. Соам числился олдерменом округа Винтри, а Энтони – Лэнгборна, и, хотя список вещей, что могли навлечь неприятности на лорд-мэра Лондона и его Суд Старейшин был изрядно длинен, в эту минуту Уэйр не сомневался в своей способности его здорово сократить, вот только сие обстоятельство вовсе не радовало.

– Ну, не тяните же, дружище, выкладывайте.

– Ссуда.

– Опять?!

– А вы удивлены? Король наш транжирит деньги не хуже папаша – хотя ему, по крайней мере, хватает добропорядочности транжирить их на войну, а не на пьянство да содомитов.

От этакой прямоты Энтони невольно поежился.

– Думайте, что говорите! Если уж о себе не заботитесь, так хоть меня пощадите. Нас же вздернут на виселицу рядом: вас – за крамолу, а меня – за то, что ее выслушивал.

Соам ослабился и выложил на стол трубку и жгут табака.

– Полноте, я всего лишь цитирую нашего лорд-мэра! Но, так и быть, пощажу ваши нежные чувства. Возвращаясь к сути: похоже, пять тысяч фунтов, полученные нашим добрым королем Карлом от городского совета в марте...

– Были приняты им за оскорбление, и, думаю, не из тех, о каких он способен забыть. – Ущипнув себя за переносицу, Энтони потянулся к вину. – Сколько же он просит?

– Сто тысяч.

Поперхнувшись вином, Энтони закашлялся и полез за платком, чтоб утереть обрызганную слюной бороду.

– Господи милостивый... да сколько ж можно?

– Ну вот, теперь и вы цитируете Эббота.

Запалив от свечи лучинку, Соам поднес огонь к трубке и смачно запыхтел, раскуривая табак.

– В конце концов, мы ведь – королевская вотчина, не так

ли? – продолжал он, выпустив вверх струю ароматного дыма. – Жемчужина королевской короны, виднейший город всей Англии. За какое отличие и выкладываем кругленькие суммы – снова, и снова, и снова.

Разумеется, в долг... но долг еще поди выжми из королевской кошны, а удавалось сие не столь часто, чтобы внушать кому-либо покой. Хронически нуждаясь в деньгах, расплачиваться с долгами Корона не торопилась.

– Ну, а залог хорош?

– Куда там... пошло свинячье. Однако у нас война на заднем крыльце. Не хотим, чтобы скотты отпялили нас в гузно – денег Его величеству придется дать.

– Подумать только, – вздохнул Энтони, – и эту загвоздку должен разрешить один самодержец, занимающий оба трона...

– Ну да, совсем как с ирландцами, – согласился Соам, откинувшись назад и вжавшись спиной в угол. – Должно быть, это – все равно, что править тройкой лошадей, когда каждая так и норовит побольней тяпнуть соседку.

Меткое сравнение, что и говорить. Старик Яков, Карлов отец, мечтал собрать свои владения под одну корону, став не тремя королями в одном лице, но одним королем, правящим одною объединенной страной. Или, по крайней мере, объединенными Англией и Шотландией: в его желании включить в сие благолепное согласие и Ирландию Энтони сомневался. Но, как бы там ни было, мечты Якова не сбы-

лись: недовольные восшествием на трон шотландца, англичане отнюдь не одобряли подобных перемен.

Однако разделение царств принесло с собой множество неизбежных затруднений, и Карл, как показала недавняя заговоздка с шотландскими ковенантами⁷, был склонен разрешать их, не деликатничая. Их нежелание принимать англиканский молитвослов Энтони вполне понимал: попытки короля навязать его северным пресвитерианам были задуманы и претворены в жизнь так же скверно, как и вся эта треклятая война. Однако изгнание из Шотландии англиканских епископов только ожесточило короля пуще прежнего.

Энтони принялся выкладывать на грязную столешницу палец за пальцем, составляя в уме карту политического ландшафта. Лондонские олдермены отказывали Короне нечасто, однако городской совет в последнее время сделался крайне неуступчивым. Уж в их-то ответе можно было не сомневаться: они выступали против той мартовской ссуды, и выступят против нынешней.

По силам ли Сити собрать такие деньги? Несомненно, да. Многие олдермены и богатые горожане были так или иначе связаны с Ост-Индской компанией, Компанией острова Провидения и иными крупными торговыми предприятиями. В Ост-Индской состоял и сам Энтони, и лорд-мэр Эббот.

⁷ То есть, сторонниками Национального Ковенанта, манифеста шотландского национального движения в защиту пресвитерианства, сплотившего шотландцев в борьбе против абсолютистской политики Карла I.

Прежде компании не раз ссужали Корону деньгами, однако по мере того, как все больше и больше ссуд оставалось невыплаченными, начали проявлять недовольство.

Вдобавок, о роли религии не стоило забывать и здесь, на юге. В Лондоне проживало немало сочувствующих борьбе шотландских пресвитериан, и Энтони прекрасно понимал: отринь Англиканская церковь епископат и прочие папистские побрякушки, многие олдермены были бы только рады. А если так, попыток подавить шотландское инаковерие они отнюдь не одобряют.

Что же одолеет – религия или нация? Идеология или экономика?

– А каковы дела в армии? – спросил он. – Оправдана ли нужда короля?

На это Соам поманил пальцем прислужницу, велел принести еще вина, дождался его появления и лишь после ответил.

– Пью за этих бедняг там, в Бервике, – с мрачной торжественностью сказал он, салютуя кружкой солдатам, отправившимся на войну. – Половина не отличает правой ноги от левой, а вооружены они, судя по тому, что я слышал, только вилами да площадной бранью. Голод, оспа, завшивели с головы до ног... лично я не согласился бы занять их место даже ради всех девок христианского мира.

– И никаких шансов на мир?

Не успел Соам и рта раскрыть, как Энтони отмахнулся от

собственного вопроса.

– Да, понимаю, шанс есть всегда. Но это потребует кое-какой дипломатии, к которой Его величество вряд ли склонен прибегнуть.

Да, если понимать под дипломатией готовность к уступкам. Между тем Карл вовсе не славился уступчивым нравом, особенно в вопросах хитросплетения религиозных и королевских прерогатив⁸. Шотландцы же умудрились наступить на обе эти мозоли, да не как-нибудь, а кованым башмаком.

Соам вновь затянулся табачным дымом и скорбно опустил взгляд в глубину трубочной чаши.

– Не падайте духом. Его королевское величество не собирается продавать еще одной монополии – о, прошу прощения, патента! – либо возлагать на наши плечи еще какой-нибудь налог трехсотлетней давности. По крайней мере, эта ссуда может быть выплачена.

– Дай-то бог, дай-то бог, – пробормотал Энтони. – Мир – и то куда как вероятнее. Как по-вашему, согласятся эти шотландские ковенантеры на мир, если король посулит им парламент?

– В то время, как уж целых десять лет отказывает в нем нам? Много ли на это шансов?

– Тактика проволочек, – пояснил Энтони. – Это позволит

⁸ Карл I считал епископов необходимыми для королевского контроля над церковью и, будучи главой епископальной англиканской церкви, признать ликвидации епископата в Шотландии не мог.

королю распустить армию – хотя бы на время, и более тщательно подготовить следующий ход.

Собеседник Энтони задумался, подперев кулаком подбородок.

– Возможно, толк из этого и выйдет. Но вы же понимаете, если он созовет парламент там, народ потребует парламента и здесь. Такой шкатулки Пандоры король наверняка открывать не захочет.

Истинная правда. Парламенты созывались волею короля, а десять лет назад Карл недвусмысленно дал понять, что с ними покончено. Парламентарии-де слишком уж часто заводят с ним споры, а посему отныне он будет править Англией лично, без оглядки на сие вздорное учреждение. Да, таково было его право, однако это не прибавило затее Карла ни популярности, ни, кстати заметить, успеха.

Отметив задумчивое выражение на лице Эндрю, Соам впросительном приподнял бровь.

– У вас есть соображения.

Верно, вот только делиться ими Энтони не желал. Допив вино, он отрицательно покачал головой.

– Проблему войны с Шотландией решать не нам. Благодарю за предупреждение: я прощупаю членов городского совета и наших с вами коллег и погляжу, не изменились ли с марта их взгляды. Не желаете ли присоединиться сегодня вечером к нам? Кэт оправилась настолько, что может выходить из дому, и хочет поехать на ужин в Ковент-Гарден. И обще-

ству будет рада.

– Возможно. Во всяком случае, к вечеру я вам визит нанесу.

Энтони улыбнулся, поднялся из-за стола и откланялся. Однако, покинув «Голову пони», направился он вовсе не на север, к Лондонской Ратуше и прочим правительственным учреждениям. Дабы что-либо изменить, ему требовалось побывать совсем в другом месте.

Халцедоновый Чертог, Лондон, 3 июня 1639 г.

Собрание в малом приемном зале могло бы являть собою подлинное воплощение благонравных придворных в час отдыха. В углу один из джентльменов флиртовал с леди, прочие же сидели вокруг небольшого стола за игрой в карты. Вот только леди была одета в юбку с фижмами, вышедшую из моды еще во времена старушки Елизаветы, тогда как ее возлюбленный казался сделанным из ожившего камня; за карточным же столом на кон ставили давно позабытые воспоминания о среброкузнице с повитухой да о плотнике со служанкой. На единственного в зале смертного, музыканта, чья флейта всю старалась пробиться сквозь неумолчную болтовню дивных придворных, почти никто внимания не обращал.

Напев звучал все выше и выше, пронзительней и пронзительней. Наконец сидевшая неподалеку, в особом кресле на возвышении, Луна поморщилась, прикрыв лицо веером.

«Нет, так не пойдет», – подумала она и подняла руку. Перстни на ее пальцах блеснули в холодном свете волшебных огней. Флейтист этого не заметил, однако ближайший из лордов услужливо поспешил к нему и остановил игру, даже не пытаясь соблюсти хоть видимость такта.

– Довольно музыки, – дипломатичнее, чем намеревалась, сказала Луна.

Лицо человека исказилось от злости на помешавшего, но после ее слов злость разом сменилась разочарованием.

– Благодарим тебя за уделенное время, – продолжала Луна. – Сэр Керенель, не будете ли вы любезны проводить его наружу?

Льюэн Эрл, заставивший музыканта умолкнуть, здесь не годился: уж этот-то позаботится, чтоб смертного флейтиста бесцеремонно вышвырнули на улицы Лондона, растерянного, сбитого с толку пребыванием среди дивных. Между тем, играл человек хорошо – только под конец оплошал.

– С достойной наградой за труды, – напомнила Луна.

Названный ею рыцарь с поклоном приложил руку к сердцу и вывел музыканта из зала. С уходом обоих придворные вновь разразились трескучей болтовней.

Луна со вздохом поднесла к губам веер, пряча за ним гримасу скуки. Сказать откровенно, музыканта винить было не в чем. Сегодня она пребывала в недовольстве и раздражалась из-за любых пустяков.

– Лорд Эоху Айт! – объявил дух-глашатай, стоявший у

дверей.

И не по пустякам – тоже.

Трое вошедших разительно отличались от толпившихся в зале придворных. Если дивные ее царства, в основном, подражали модам человеческого двора с некоторыми изменениями, какие полагали уместными, то ирландцы были одеты сущими варварами. Воины, сопровождавшие посла из Темера, носили ярко-синие плащи с застежкой на плече, но груди их под плащами были обнажены, а правую, «оружную» руку каждого украшали бронзовые браслеты. Сам же Эоху Айрт носил роскошное длинное одеяние, расшитое перьями и небольшими блестящими медальонами, а в руке держал золотую ветвь.

– Милорд, – приветствовала его Луна, поднявшись с кресла и сойдя по ступеням вниз, навстречу сиду⁹.

– Ваше величество, – откликнулся Эоху Айрт и с церемонным поклоном поцеловал ее руку, в то время как телохранители за его спиной преклонили колени. – Надеюсь, вы в полном благополучии?

– И в совершенном безделье. Как тебе понравилась пьеса?

Ирландский эльф оскалил зубы. Прядь его земляничных волос, длинных, точно у женщины, но не завитых, упала на глаз, стоило ему выпрямить спину. Возможно, он и оллам,

⁹ Сиды, или ши, в фольклоре Шотландии и Ирландии – волшебные существа, эльфы, обитающие внутри полых холмов, в пещерах, расщелинах скал, а иногда на чудесных островах в океане.

поэт высочайшего разбора, но по ирландским обычаям всякий поэт – также воин. Оскал его оказался весьма свиреп.

– Разве что самую малость. Да, искусство смертных довольно изящно, и мы ценим его по достоинству. Но меня, государыня, интересует не искусство.

Ждала ли она иного ответа? Эоху Айрт прибыл к Халце-доновому Двору вскоре после кануна Дня Всех Святых, сменив на посту посланницу, проводшую здесь много лет – явный признак того, что Фиаха Темерский настроен на перемены. Продержись прежняя посланница до ноября, и Луна, возможно, избавилась бы от новоприбывшего: согласно годовому кругу Верховных Королей Ирландии, перемены могли оказаться эфемерными.

Могли... но не обязательно. Нетерпение Ард-Ри возрастало год от года. Если заменят и Эоху Айрта, на его месте может оказаться кто-либо еще хуже.

Что ж, если без спора не обойтись, Луна предпочитала не устраивать его в полном придворных приемном зале.

– Идемте, милорд оллам, – сказала она, взяв посла под руку. Перья защекотали запястье, но Луна сдержала вызванное сим раздражение. – Давайте уединимся и побеседуем обо всем этом подробнее.

Эльфы-рыцари у дальних дверей распахнули створки перед ними двоими, оставив ирландских воинов в зале. Несколько из придворных дам двинулись следом, но Луна едва заметно махнула им кончиками пальцев, веля оставать-

ся на местах. Ей не хотелось, чтобы во время разговора они стояли рядом навтыжку, но если придворные дамы вольгот-но усядутся за пьелы да карты, Эоху Айрт непременно решит, будто она не воспринимает его аргументы с должной серьезностью.

Внутренние покои озаряли волшебные огни, а некий даль-новидный хоб¹⁰ выставил на узорчатый турецкий ковер пару кресел. На одно из них Луна и указала сиду.

– По-видимому, ты счел сегодняшней день оскорблением, – заговорила она, усаживаясь в другое кресло. – Уверяю, я вовсе не желала чинить тебе обид. Я просто подумала, что ты, поэт, оценишь чужое искусство.

– Да, написано неплохо, – нехотя признал посол, в знак неофициальности разговора откладывая в сторону золотую ветвь. – Однако от этой вылазки за версту смердит попыткой отвлечь внимание от главных дел.

Что ж, он не ошибся – по крайней мере, идея была именно такова. Луна надеялась, что, полюбив театры, он начнет проводить там больше времени. Правда, для этого его следовало снабжать защитой от холодного железа и веры верхнего мира, но, удалив посла из своих покоев, Луна сочла бы сии расходы вполне окупившимися.

– Не стала бы я преуменьшать остроту твоего ума таким образом, полагая, будто тебя так просто отвлечь от дел, –

¹⁰ В английском фольклоре – добродушное волшебное существо сродни домовым-брауни.

сказала она, сдвинув брови. – Я знаю: свой долг здесь ты исполняешь со всем прилежанием и почтением, коего он заслуживает.

– Любезные слова, государыня. Но нужно ли напоминать, что я явился сюда не ради слов? Я прибыл к вам ради дела. Политический деспотизм вашего Уэнтворта просто возмутителен.

«Уэнтворт вовсе не мой, – захотелось ответить Луне. – К его назначению лордом-лейтенантом Ирландии я никакого отношения не имею». Однако это только сыграло бы на руку Эоху Айрту и перевело разговор в то самое русло, коего Луна надеялась избежать.

– Некоторые мысли Уэнтворта об управлении Ирландией могут пойти вам на пользу, стоит лишь это признать. Католические ритуалы против нас невероятно сильны. Возможно, их прекращение не так уж плохо. Да, протестантство самого крайнего толка – тоже угроза немалая, это верно. Но тому, что насаждает Уэнтворт, до подобного пыла далеко.

Сказать откровенно, насаждаемое Уэнтвортом было наполовину папизмом, как неустанно вопили шотландцы, однако не в том смысле, в коем сие было бы слишком уж важно для дивных.

Эоху Айрт помрачнел.

– Он насаждает колонизацию.

В его устах последнее слово звучало, словно непристойность, каковой он его, несомненно, и полагал.

Неужто Луна вправду надеялась отвлечь его от этого вопроса? Поднявшись с кресла, она позвонила в колокольчик.

– Думаю, немного вина – и разговор пойдет легче.

В отворившиеся двери вошла леди Амадея Ширрел, обергофмейстерина Луны, с подносом, графином и кубками.

«Расторопна по обыкновению».

Отослав ее взмахом руки, Луна сама разлила вино и выждала, пока двери вновь не закроются, отсекая от их ушей негромкий ропот приемного зала.

– Я вполне понимаю твою озабоченность. Новые англичане...

– Новые англичане, Старые англичане – для меня они все одинаковы. Они – англичане. В Ирландии. – Эоху Айрт принял из рук Луны кубок, но в гневе зашагал из угла в угол. – Они объявляют нашу землю своей и гонят прочь тех, чьи семьи прожили на ней не меньше, чем мы, дивные, живем вне полых холмов. Наши хобы непрестанно плачут, видя, как их древняя служба подходит к бесславному концу.

Даже во гневе голос оллама звучал, точно музыка.

– Отменить завоевания Ирландии Англией я не могу, милорд посланник, – ровно ответила Луна, стараясь не выказывать собственного гнева.

– Но можете действовать против Уэнтворта и его союзников. И прекратить поругание нашей земли.

Фигуры, вычеканенные в серебре винного кубка, больно впились в пальцы.

– И я действовала. Вопреки притязаниям Уэнтворта, Карл подтвердил титул графа Кланрикард. Его угодыя переселенцами заселяться не будут.

На это посол ответил лишь новым злобным оскалом.

– Что помогает Голуэю. Но как, государыня, быть с остальной Ирландией, до сих пор страдающей под английским ярмом?

Посланник происходил из Ольстера, так что с выбором линии защиты Луна промахнулась.

Сид с явным трудом умерил тон.

– Мы не требуем помощи даром, – продолжал он. – Любой из Ард-Ри и любой из подвластных им низших королей за ценой не постоят. Мы располагаем сведениями, которые вы найдете весьма полезными.

Что до вина, ни один из них так и не сделал ни глотка. Вот тебе и облегчение разговора... Отставив кубок, Луна сдержала вздох и сложила руки на коленях.

– То, чего ты желаешь – прямое вмешательство в политику смертных, а это не в правилах нашего двора.

– Некогда дело обстояло иначе.

Луна окаменела. Вот, наконец, дошло и до этого – до откровенного напоминания. Много ли на то понадобится времени, она гадала с самого дня прибытия посла, вскоре после кануна Дня Всех Святых. Этот посланник желал заполучить в руки куда больше оружия, чем его предшественница.

– При нашем правлении – никогда. Мы будем благодарны,

если ты это запомнишь.

Официальный переход к местоимению множественного числа подействовал на посла, точно пощечина. Откинув со лба прядь волос, Эоху Айрт поставил на стол вино, вернулся к креслам и поднял золотую ветвь – знак своего положения.

– Как пожелаете, государыня. Однако, боюсь, Ард-Ри не рады будут это услышать.

– Передай нашему кузену Фиахе, – сказала Луна, – что мы не отвергаем взаимопомощи. Но опутывать двор смертных нитями и дергать за них, заставляя его плясать, точно марионетка, я не стану. Я добиваюсь согласия между людьми и дивными способами более тонкими.

– Ваше величество...

Сухо поклонившись, Эоху Айрт вышел, оставив Луну во внутренних покоях одну. Опершись ладонью о тисненную серебром кожу стенной обивки, Луна с досадой стиснула зубы. Нехорошо вышло. Совсем плохо. Но что она могла поделать? Пожалуй, ирландцы были единственными дивными на всю Европу, скучавшими по временам правления ее предшественницы, по тем дням, когда королева Халцедонового Двора не стеснялась манипулировать никем – ни смертными, ни всеми прочими.

«Хотя нет, они не единственные. Но самые назойливые».

Да, желания их Луна вполне понимала. Если бы ее страну заполонили иноземцы, она сама дралась бы за нее, что есть сил. Но этот бой – не ее, и она не поступится принципами,

дабы выиграть его для ирландцев. Смертные – вовсе не пешки, чтоб двигать их по доске, куда заблагорассудится.

Совладав с выражением лица, Луна вернулась в приемный зал. Придворные шушукались меж собой: ухода Эоху Айрта и его воинов не проглядел ни один. Кое-кто из них даже принял подарки за то, чтоб склонить Луну в пользу ирландцев. Нианна, дура безмозглая, стремясь извлечь выгоду из положения правительницы гардеробной, всю флиртовала с ганканахом¹¹, коего посол имел дерзость привезти с собою. Дай Луна им хоть полшанса – прожужжали бы ей все уши.

Но нет, сейчас она подобных речей терпеть была не намерена. В Халцедоновом Чертоге имелись банные покои с ваннами, наполняемыми подогреваемой саламандрами водой. Пожалуй, стоит отдохнуть в одной из них да поразмыслить, чем бы умиротворить сердца Верховных Королей, владык Темерского Двора.

Однако с этим Луна опоздала. Пока она мешкала у кресла, двери вновь распахнулись, явив ее взору человека, казавшегося здесь еще более неуместным, чем даже ирландцы. Песочного цвета волосы, крепко сложен, обыкновенен, точно черный хлеб, а на лице – целеустремленность, прямо противоположная беспечному веселью придворных.

Глашатай снова возвысил голос:

– Принц Камня!

¹¹ Ганканах, или ганконер, в ирландском фольклоре – сладкоречивое волшебное существо в мужском облике, соблазняющее смертных женщин.

Лондон, на земле и под землей, 3 июня 1639 г.

Треднидл-стрит оказалась от края до края запружена густой мешаниной телег, карет, верховых и пеших путников, а посему Энтони повернул на юг, миновал не столь людную Уолбрук-стрит, а затем свернул в куда более узкую Клоклейн, под сень выступавших наружу, нависших над дорожною грязью верхних этажей. Укрывшись в тени Катлерс-холла, он приложил ладонь к толстому осмоленному брусу, разделявшему два здания, и широко развел пальцы.

Лондонский люд позади по-прежнему шагал своей дорогой, не замечая ни Энтони, ни темного проема, появившегося там, где его отродясь не бывало, словно втиснутого в несуществующую пустоту меж домами. В эту-то узкую брешь и шагнул Энтони, развернувшись боком, чтоб не задеть плечами стен.

Когда проем затворился за его спиной, он оказался на верхней площадке столь же узкой лестницы, спиралью тянувшейся вниз и почти не освещенной. С осторожностью наступывая ногами камень ступеней – не сланец, не известняк, не кентский базальт, а гладкий, черный, какого не сыщешь ни в одном из обычных лондонских зданий, – Энтони начал спуск.

И вправду, пределы, в которые он вошел, не имели с обычными зданиями ничего общего. Казалось, он – в ином мире, и, в некотором смысле, это действительно был иной мир –

ть Лондона, обретшая под землей форму и приютившая в мириадах покоев, залов и коридоров целый двор волшебных созданий, да так, что никто этого не замечал и даже не подозревал о его существовании.

Никто... за редким исключением.

От подножия лестницы вела вперед сводчатая галерея. Меж арок, поддерживавших потолок, мерцали холодные огоньки. Одни держались на месте, другие неспешно блуждали в воздухе сами собой, отчего тени двигались, дрожали, приплясывали. Да, мир этот отражал мир наверху, но вовсе не просто и прямо: вход с Треднидл-стрит находился совсем недалеко, однако расстояние пришлось прошагать немалое. Если догадки Энтони были верны, искать нужную ему особу следовало здесь.

Ливрейный дух, стоявший у дверей, подтвердил его правоту. Дивное существо глубоко поклонилось, распахнуло двери и удивительно громким для столь невеликих размеров голосом объявило:

– Принц Камня!

Картина, открывшаяся за дверьми, просто-таки ослепляла: яркие, как самоцветы, шелка, фантастические создания, сидящие либо стоящие в заученно непринужденных позах... Ко всему этому великолепию он давно привык... но не к центральной его фигуре, не к той оси, вокруг которой вращалось все остальное.

Луна стояла у кресла на возвышении, настороженная, точ-

но застигнутая врасплох лань. Затейливые завитки ее серебряных волос подрагивали у щеки: по-видимому, за миг до крика глашатая она резко повернула голову. Блеск локонов затмевал собой серебряную парчу подъюбника, еще ярче оттеняя полночную синеву глянцевого шелка лифа и сборчатых верхних юбок. В венце ее мерцали сапфиры – каждый ценою в целое состояние.

Встретившись с нею взглядом, Энтони моргнул, и минутное очарование рассеялось. Вид королевы дивных ошеломлял, сколь бы часто ты с нею ни виделся, а он уж давненько здесь не бывал.

Луна выступила вперед, приветствуя гостя. Безупречную линию ее бровей портила лишь крохотная морщинка над переносицей; должно быть, за нею таилось нешуточное разочарование.

– Энтони, – заговорила королева. После резкого шума и гомона лондонских улиц голос ее зазвенел, точно музыка, однако улыбка, заигравшая на губах при виде Энтони, не коснулась встревоженных глаз. – Рада вновь видеть тебя. Не прогуляться ли нам в саду?

Это устраивало Энтони как нельзя лучше. Поклонившись, он предложил королеве руку, и оба покинули зал. Следом за ними потянулась стайка самых доверенных из ее придворных дам.

Дивные, попадавшие навстречу, уступали дорогу, почтительно кланяясь и королеве, и ее смертному принцу.

Окончательно привыкнуть к этому Энтони не мог до сих пор. В те времена, когда старый король Яков учредил титул баронета и принялся торговать дворянскими грамотами, дабы пополнить отощавшую мощну Короны, богатый отец тоже купил себе наследственное рыцарство, однако почестей, оказываемых принцу, сей ранг отнюдь не заслуживал. Да, в переходе от положения к положению он практиковался не первый день, но почести сродни королевским неизменно заставляли его врасплох.

Пройдя сквозь изящную арку, они оказались в ночном саду. Здесь, вопреки всем законам природы, буйствовала растительность: благодаря беззаветным стараниям дивных садовников, вокруг пышно цвели фантастические цветы и в любое время года зрели самые разные фрукты. Отчасти из-за близости ночных садов Луна и предпочитала малый приемный зал главному, более величественному, где стоял ее трон. Она часто гуляла по извилистым садовым дорожкам, когда в компании, а когда и одна, внимая игре музыкантов или журчащим напевам Уолбрука. Что до Энтони – у него, к сожалению, редко находилось для этого время.

Едва они вышли в благоухающую прохладу садов, звезды над их головами взвихрились водоворотом, и созвездия волшебных огоньков слились в единую массу – в фальшивую луну.

– Насколько я понимаю, тебя что-то тревожит, – заговорил Энтони.

Пальцы Луны крепче стиснули его предплечье.

– Не что-то, а кто-то. Попробуешь угадать?

– Возможных подозреваемых только двое, – с кривой улыбкой отвечал Энтони. – Я бы сказал, Никневен.

– А я едва ли не жалею о том, что это не так.

Мрачность ее ответа казалась странной. Подобно дивной Англии, дивной Шотландией правил не один королевский двор, и разногласия с северными монархами у Луны нет-нет, да возникали. Однако Гир-Карлин Файфская была постоянной занозой в ее боку. Ненависти к Халцедоновому Двору и ко всему, за что он ратовал – то есть, к тесному согласию дивных и смертных, – Никневен отнюдь не скрывала. Не раз и не два угрожала она убить Энтони или проклясть весь его род вплоть до девятого колена.

Одним словом, лично ему раздоры с Ирландией казались куда предпочтительнее.

– Тогда о сути дела я, пожалуй, догадываюсь, – сказал он.

Выпустив его руку, Луна отошла к краю дорожки – к каменной вазе с цветущей лилией. Безукоризненно белые лепестки цветка потемнели, точно окровавленное горло, и королева погладила их кончиком пальца.

– В один прекрасный день какому-нибудь сообразительному малому из тех краев придет в голову убить Уэнтворта.

– Не настолько они глупы, – встревожился Энтони. – Гибель королевского наместника в Ирландии... от этого им станет только хуже.

– О, в самом деле, некоторые – некоторые! – из них это понимают. Но ведь тут довольно всего одного воина, одной горячей головы, одного гоблина, вздумавшего попоказничать...

Сзади приблизилась стайка придворных дам – словно птицы в украшенных самоцветами перьях и элегантных полумасках. Луна со вздохом двинулась дальше, к фонтану, где опустилась на скамью, а ее леди устроились неподалеку, дабы подслушивать исподтишка.

– Эоху Айрт сказал, что его темерские господа располагают сведениями, которые я непременно пожелаю узнать. Нужно придумать, чего бы еще он мог захотеть взамен.

Энтони присел на край чаши фонтана и оперся ладонями на прохладный мрамор. Вода обрызгала спину, однако розовый дублет из простой саржи вполне мог это пережить. Одевался он не элегантности ради.

– При дворе Уэнтворт непопулярен. Его отношения с королем неустойчивы: Карл не слишком ему доверяет, однако поддерживает, так как он – один из немногих дельных людей среди слуг Короны. Поговаривают даже о его намерении сделать Уэнтворта пэром. Однако врагов у лорд-лейтенанта полным-полно, не только в Ирландии, но и среди англичан. Его влияние на короля не по нраву многим. Возможно, его падение не за горами.

– Но изменит ли это хоть что-нибудь для Ирландии?

Вопрос был явно риторическим. Раздраженно взглянув на

расшитый носок башмачка, Луна вновь устремила взгляд к Энтони.

– Итак, что привело тебя вниз? В последний раз ты говорил, что хочешь проводить побольше времени с леди Уэйр и новорожденным сыном. Как он поживает? Быстро ли растет?

Очаровательная забота! У дивных дети рождались так редко, что юные смертные приводили их в восхищение.

– Робин растет здоровым и сильным – несомненно, благодаря твоему благословию.

Трое детей, и ни одного не сгубили детские хвори... Энтони понимал: самые набожные непременно сказали бы, что за эти благословения он продал душу, якшаясь с дивными, – но, видя благополучие семьи, полагал сию цену невысокой.

Луна сузила глаза.

– Но ты, похоже, пришел не затем, чтоб поговорить о сыне. Тогда для чего же? Ты так целеустремленно вошел в зал...

– Есть кое-какая возможность, – признался Энтони. – Вполне способная улучшить твоё расположение духа.

Придворные дамы подались вперед, чтоб лучше слышать.

– Война с Шотландией, – продолжал он, – идет из рук вон плохо. Карл послал туда армию, чтоб усмирить ковенантеров, однако из-за нужды в деньгах армия разваливается по швам. Поэтому он просит Сити о ссуде.

– Опять?! – негромко ахнула Луна, повторив его отклик на сообщение Соама, точно эхо. – Похоже, попрошайниче-

ство вошло у него в привычку, а королю это вовсе не подobaет.

Отказать ей в правоте было бы невозможно даже при всем желании.

– Но отчего ты пришел с этим ко мне? Ссуда, выданная золотом фей, делу вряд ли поможет.

– Разумеется, разумеется. Я намерен не давать ему ссуды вовсе.

Королева устремила на него немигающий взгляд. Кажется, весь ее образ отлит из серебра, инкрустированного самой темной на свете лазурью. Энтони терпеливо ждал, предоставляя ей время оценить возможные последствия.

Наконец статуя вновь возвратилась к жизни.

– Уверена, у тебя есть на то причины, – сказала Луна. – Ты разбираешься в финансах Сити лучше меня. Однако взгляни на вещи шире: если ковенантеров не удастся одолеть сейчас, в будущем они станут еще сильнее. В Лондоне им уже сочувствуют слишком многие, и нам они враждебны.

Это «нам» имело множество возможных значений, в зависимости от случая. Порой так именовала себя сама королева. Порой это слово означало всех лондонцев – и на земле, и под землей. На сей раз оно, несомненно, значило нечто среднее, а именно – дивных Халцедонового Двора. Насколько Энтони знал, города дивных рядом с городом смертных не было больше нигде во всем мире: другие волшебные королевства располагались вдали от человеческого жилья.

Все это делал возможным Халцедоновый Чертог. Отражение домов и улиц Лондона, залы и коридоры огромного подземелья надежно хранили обитателей от звона церковных колоколов и холодного железа верхнего мира. Однако дивные время от времени выбирались наружу, и предпочитали видеть навещаемый мир если не дружественным, то хотя бы нейтральным.

Самые фанатичные из протестантов – пресвитериане и не признающие официальной церкви «благочестивые», прозванные врагами «пуританами» – от нейтралитета были весьма и весьма далеки. Эти считали всех дивных бесами, а Шотландия под их властью сделалась краем суровым и неприветливым. Рост их влияния в Англии станет чувствительным ударом по местным дивным.

– Это я понимаю, – сказал Энтони. – Однако тут есть и другое соображение. Король отчаянно нуждается в деньгах. Его судьи и стряпчие уже отыскиали все возможные лазейки, все забытые, вышедшие из употребления статуты, которые могут принести ему хоть какой-то доход – и корабельную подать¹², и рыцарскую повинность¹³... он даже продолжает взи-

¹² Корабельная подать (или корабельные деньги) – старинная повинность прибрежных графств снаряжать для обороны страны определенное число военных кораблей. В период единоличного правления Карл I превратил ее в денежный сбор и пытался распространить на внутренние графства страны.

¹³ Рыцарская повинность (или «опись рыцарского имущества», *англ.* – Distrain of Knighthood) – закон, обязывавший всех землевладельцев, имеющих определенный ежегодный доход, присутствовать на коронации, чтоб быть посвященными

мать потонный и пофунтовый сбор, не имея на то никакого законного права¹⁴. И этого все еще мало.

Луна приподняла подбородок. Быть может, она уже понимает, куда он целит? Да, на ее лице не имелось даже намеков на возраст, однако на трон она взошла еще до рождения Энтони, а уж за политические игры взялась и того раньше.

– Не сумев получить денег от Сити, – пояснил Энтони, – он будет вынужден созвать парламент.

Неподалеку, в ветвях ивы, запел соловей. Придворные дамы были слишком хорошо воспитаны, чтобы шептаться друг с дружкой, в то время как их королева погружена в молчаливые раздумья, и потому лишь многозначительно переглянулись. Тех, кто не разбирался хотя бы в основах политики смертных, Луна при себе не держала.

– Отчего же ты пришел с этим ко мне? – наконец спросила она.

– Мне нужна твоя помощь.

Немедленного отказа не последовало, и это весьма обна-

ми в рыцари. Воспользовавшись этим законом, давно вышедшим из обихода, но и не отменным, Карл I обложил крупными штрафами за уклонение от принятия рыцарского звания всех, кто, подпадая под действие закона, не явился на его коронацию.

¹⁴ Пошлина на привозное вино и процент со стоимости любого ввозимого в страну товара, форма субсидий в пользу Короны, являющихся не обязанностью, но добровольным даром подданных. Назначение потонного и пофунтового сбора находилось в компетенции английского парламента. Карлу I права на данный сбор предоставлено не было, однако король продолжал взимать данный сбор без согласия парламентариев.

деживало.

– Сказав, что не намерен давать королю ссуды, я говорил о желаемом результате. Однако я думаю, борьба будет нелегка. Городской совет, несомненно, проголосует против, но мне хотелось бы, чтоб против короля выступили и олдермены. Пенингтону и прочим эта война отнюдь не по нутру.

– Так устрой это сам. – Слова Луны прозвучали сухо, точно треск раскрытого веера. – Ведь у тебя, несомненно, есть способы убедить коллег в своей правоте.

Смущенный резкостью отповеди, Энтони поднялся с края фонтана, выпрямился и мягко пояснил:

– Возможно, если бы времени было достаточно. Но я не могу действовать исподволь быстро, а с короля вполне станется заточить того, кто бросает ему вызов, в тюрьму.

Луна тоже поднялась со скамьи.

– И потому ты просишь меня помочь... полагаю, повлияв на них в свидениях? – То был самый мягкий из ее способов убеждения, однако ответить Энтони не успел. – Ради отказа, на который они иначе могут и не решиться. Однако я не уверена в твоей правоте.

Отчего она так бездумно противится? Страх перед кovenantами и их верой объяснял это лишь отчасти. Разумеется, Луна заботится о своих дивных подданных, но ведь она заботится и об Англии...

Ах, да. Об Англии и о ее монархе. Коего однажды, многие годы назад, когда на троне еще восседала англичанка, покля-

лась защищать. Ясное дело, этакий бунт против воли Короны ей не по нраву. Однако симпатий к человеку, носящему эту корону, Луна отнюдь не питала: недостатки Карла она знала не хуже самого Энтони. Не могла разглядеть лишь одного – отчего противодействие послужит благополучию Англии лучше повиновения.

– Карл правит, не советуясь с парламентом, вот уже десять лет, – напомнил Энтони.

Кто-то из слушательниц пренебрежительно хмыкнул.

– Ее величество правит, не нуждаясь ни в каких парламентах, – дерзко сказала леди Нианна.

– Ее величество правит государством, где подданных меньше, чем в моем округе, – рыкнул на нее Энтони, разгневанный непрошеным вмешательством, но тут же поморщился и поспешил поклониться Луне, прося извинить его несдержанность. – В Англии много тысяч жителей – сотни тысяч только в окрестностях Лондона. Одному человеку, даже при помощи советников, за таким множеством не уследить. Ну, а парламент, особенно Палата общин, издавна служит гласом народа, сообщает правителю о людских нуждах. Но Карл отказался от этой традиции, когда она стала для него обременительной.

Отповедь в адрес Нианны заставила королеву возмущенно расправить плечи, однако теперь она взирала на Энтони бесстрастно. Поколебавшись, он решил разыграть опасную карту.

– Он станет править, как правила твоя предшественница: его воля – закон, а перечить никто не смей.

Серебряные глаза королевы полыхнули гневом.

– Не суди о том, чего не знаешь, – ледяным тоном сказала Луна. – О нашем дворе в те времена тебе не известно ничего.

Но Энтони под ее взглядом даже не дрогнул.

– Я знаю то, что рассказала мне ты. Знаю, для чего ты пригласила меня править вместе с тобой и удостоила меня особого титула. Для того, чтобы вместе трудиться ради общего блага, ради блага и смертных и дивных. Хорошо. Слушай же. Я, Принц Камня, говорю: это нужно Лондону. Это нужно всей Англии.

Под взором королевы дивных было так просто стусеваться, онеметь от благоговейного страха... Однако Принц Камня был королевским консортом и тоже имел здесь, при дворе, кое-какую власть. Случалось им вздорить и прежде, когда Энтони считал, что этого требует долг; по этой-то причине, из-за упорства в защите интересов смертных, о коих королева иначе могла позабыть, Луна и выбрала его в соправители. Выбрала, веря, что он не станет упорствовать без необходимости.

Сейчас он твердо смотрел ей в глаза и от своего не отступался.

В уголке ее рта мелькнула едва заметная тень морщинки. Возможно, сия конфронтация была неизбежна, но он мог хотя бы позаботиться о разговоре без лишних ушей. Теперь

же все это было уж очень похоже на принуждение, демонстрацию власти перед ее придворными дамами, утверждение своего права требовать этой уступки. Нужно будет после перед ней извиниться.

– Хорошо, – сквозь стиснутые зубы процедила Луна. – Мы позаботимся, чтобы колеблющиеся склонились в нужную сторону и выступили против ссуды.

«Мы...» «Мы, повелительница Халцедонового Двора», или «мы, дивные»? Так или иначе, желаемого он, хоть и не слишком изящным образом, добился.

– Благодарю тебя, – сказал Энтони, кланяясь Луне от всей души. – Взамен я сделаю все возможное, чтоб восстановить жителей Лондона против ковенантеров.

В глазах Луны мелькнули искорки, но отчего? Похоже, гнев ее сменился чем-то наподобие веселья.

– Действительно, сделаешь. Если надежды твои оправдаются и Карл созовет новый парламент, мы ожидаем увидеть там и тебя.

Энтони удивленно заморгал.

– В парламенте?

– Да, ты не пэр и связей с деревней почти не имеешь, так что придется бороться за одно из мест, отведенных в палате общин Лондону. Но это вполне уместно: другие будут представлять там смертных лондонцев, а ты – дивных.

Так далеко Энтони, честно сказать, не загадывал. Впрочем, отчего бы и нет? Правда, парламент не созывался так

долго, что мир сей был ему почти незнаком. Как туда проникнуть, что делать, оказавшись там?

Хотя все это вряд ли слишком уж отличается от Суда Старейшин. Да, он привык считать себя послем смертных в царстве дивных, но ведь границу меж двух миров можно пересечь и в противоположную сторону. Можно... и даже должно – на то он и Принц Камня.

– Как повелишь, государыня, – с новым поклоном ответил он.

Кеттон-стрит, Лондон, 2 апреля 1640 г.

Рот человека, брошенного на колени на пол подвального этажа, к ногам Луны, надежно заткнули кляпом. Глаза смертного над плотной тряпкой, не позволявшей издать ни звука, полыхали огнем. Жгучая ненависть в его взоре испепелила бы Луну... если бы только могла.

Разумеется, даже обретший дар речи, сжечь он никого не мог, но бед натворил бы немало. Да, конечно, Луна была защищена – ведь она никогда не поднималась наверх, не вкусив молока или хлеба, принесенного в дар дивным, и это хранило ее от веры смертных, холодного железа и прочих враждебных чар. Однако достаточно крепкая вера, подобно топору, насквозь прорубающему латы, могла преодолеть многое.

Испытывать крепость веры этого человека Луне отнюдь не хотелось. Пусть испепеляет ее взглядом, сколько угодно – лишь бы к божественным именам не взывал, а кляп был самым безобидным средством заставить его замолчать.

– Где ты нашел его? – спросила она сэра Пригурда Нельта.

Великан возвышался за спиной коленапреклоненного, словно скала, хоть чары, скрывавшие его истинную природу, и уменьшали Пригурда до человеческой величины. Правда, под этакой маскировкой капитан Халцедоновой Стражи чувствовал себя неуютно и носил ее из рук вон скверно.

– Неподалеку от ворот Олдерсгейт, – пророкотал он. Кажется, его низкий бас отдается во всем теле. – Обкладывал хворостом то самое дерево, в руке держал кремень с кресалом.

Луна едва смогла сдержать дрожь. Исполняя свой долг, защищая ее, Пригурд был непоколебим. Заметив, сколь этот человек ее напугал, великан вполне мог разmozжить ему голову, а на том и делу конец.

Чем мог бы кончиться поджог? Сказать откровенно, этого Луна не знала. Да, Халцедоновый Чертог был всегда с нею, словно вторая кожа, покрывшая тело в тот миг, когда она объявила себя самодержицей. Однако всех его секретов она так и не разузнала, и что случится, если кто-либо попытается уничтожить один из потайных ходов, соединявших дворец дивных с тканью брэнного Лондона, могла только предполагать.

Вопрос, достойный выяснения... но не сейчас.

– Кто он таков?

Пленник задергался, силясь освободиться от уз. Пригурд за его спиной стиснул кулаки. Негромкий рык означал, что

держат нрав в узде великану не так-то просто.

Человек, выступивший вперед, дабы ответить ей, казался в сей зловещей обстановке куда уместнее и Луны, и даже Пригурда. Одевался он, точно обычный чернорабочий (хотя по образованию, если не по рождению, был достоин большего), и прекрасно знал места наподобие таверны над их головами. Именно он и подыскал для допроса этот подвал, когда Луна решила не рисковать, приводя пленника в Халцедоновый Чертог. Кабы не дух, без всякой маскировки угнездившийся на его плече с пером и рожком чернил, он вполне мог бы сойти за простого, совершенно неприметного человека.

Что ж, для его рода занятий это подходило как нельзя лучше. К чему главе тайной службы броская внешность?

Вопреки всем стараниям Луны и Энтони, смертных, имевших дело с Халцедоновым Двором и знавших об этом, до сих пор было очень и очень мало. Ныне таких насчитывалось чуть более дюжины – явное улучшение в сравнении с прежними временами, однако непреходящая угроза со стороны благочестивых и необходимость оберегать Халцедоновый Чертог превращали приглашение вниз чужих в затею, в лучшем случае непредсказуемую. Большинство попадали туда, так как имели знакомства среди придворных – скажем, возлюбленного, или заказчика, или же дивного покровителя. Лишь Бенджамин Гипли, один из всех, занимал важный пост, занимаясь некими закулисными делами, которых не мог или не хотел брать на себя Энтони.

– Хамфри Тейлор, – отвечал он, бросив взгляд на клочок бумаги, поданный ему духом. – Настоятель прихода Святого Ботольфа в Олдерсгейте, за городской стеной, где, как нам известно, произнес пуританскую проповедь... а то и целую дюжину.

Все это Луну ничуть не удивляло. Изорванные, поношенные, одежды Хамфри Тейлора отличались предельной простотой ткани, расцветки и кроя – явный протест против тщеславной пышности королевского двора. Сие обстоятельство указывало на его убеждения столь же ясно, сколь и истовость взгляда.

Хотелось бы Луне вынуть из его рта кляп и расспросить самой... Но, если бы даже удалось обманом напоить его вином дивных и тем удержать от набожных речей, зачем обрекать человека на пожизненные муки, на неизбывную тоску по утраченному волшебному царству?

Хотя нет. Тосковать этаким малый не станет. Скорее, лишит себя жизни, приняв на душу меньший грех, дабы избежать большего, а то и отыщет способ умереть смертью мученика в попытке уничтожить ее двор.

Тем более, одну попытку он уже совершил.

– Так ты говоришь, он пытался поджечь нашу ольху, – сказала она, огибая пленника кругом, да так близко, что едва не задела его юбками.

Явно недовольный тем, что королева подошла к смертному вплотную, Пригурд переступил с ноги на ногу, однако

препятствовать ей не стал.

– А как же он узнал о ней? Понимал ли он, что хочет сжечь?

Гипли вернул духу бумагу и согнал его с плеча.

– По меньшей мере, он знает, что ольха как-то связана с дивными. Что ему известно еще, с уверенностью сказать не могу. Но он узнал об этом из сновидений.

– Из сновидений? – Луна остановилась, как вкопанная. – Кем насланы?

Смертный глава тайной службы виновато пожал плечами.

– Что у человека в голове – за тем, к великому сожалению, не уследить. Но я порасспросил соседей – семьи в Лондоне у него нет – и выяснил, что его сны начались зимой, после визита какого-то шотландского пресвитерианина.

– Настоящего?

– Чтобы ответить, нужно найти этого шотландца, – сказал Гипли. – Но Тейлор твердо уверен, что да.

Луна ущипнула себя за переносицу, но тут же поспешила опустить руку. Был этот пресвитерианин укрытым чарами дивным, или нет, его след вел в Шотландию – то есть, ко двору Никневен, Гир-Карлин Файфской.

Протестовать, убеждать Никневен, что ее ненависть направлена не на ту цель, не имело смысла. Да, в интригах, погубивших смертную королеву скоттов полвека назад, Луна участия не принимала, но это не значило ровным счетом ничего: главное – к казни Марии Стюарт приложил руку Хал-

цедоновый двор. Большинство шотландских дивных об этом забыли (дела человеческие стираются из памяти быстро), однако Никневен лелеяла вражду до сих пор.

Правда, до последнего времени вражда Гир-Карлин была не столь откровенной. Довольно многочисленная партия при дворе Луны, поощряемая агентами и союзниками Никневен, полагала дивных выше смертных. Люди для них были, в лучшем случае, игрушками, в худшем же – ослабляли, оскверняли дивных, из-за чего те и выродились, утратили величие былых времен, столь давних, что ныне никто их толком не помнил. Сотрудничество со смертными – согласие, за которое ратовала Луна – по их мнению, шло дивным только во вред.

А Халцедоновый Чертог был орудием этого сотрудничества, убежищем, позволявшим смертным и дивным сосуществовать. Похоже, Никневен, утратив терпение, решила ускорить ход событий и нанести прямой удар.

Пусть Тейлор и остановлен, успокаиваться было рано. Очнувшись от раздумий, Луна вновь обратилась к Гипли:

– Что он говорил соседям?

Глава тайной службы мигом уловил суть вопроса.

– Соседи считают его помешанным. Возможно, воспаление мозга... хотя человек, снимающий жилье с ним на паях, думает, что все это – какой-то завуалированный протест против разложения двора. Справлялся, не агент ли я Тайного Совета. Думаю, в надежде на награду.

Тогда Халцедоновому Двору больше ничто не грозило – до поры. В те времена, когда смертные появлялись в Халцедоновом Чертоге лишь в качестве ручных зверушек или пешек в руках придворных, а после их вышвыривали, точно сломанных кукол, хранить тайну было куда как проще. Теперь, на волне пуританской веры, придется блюсти сугубую осторожность. Если хоть кто-нибудь – хоть кто-нибудь враждебный – поверит, что в недрах Лондона обитают дивные...

– Выследи этого шотландца, – велела Луна. – Имя тебе известно? Узнай, кем он послан – одной из шотландских сил, или другими, действующими через вторые руки.

После неких запутанных дел прошлого французский Двор Лилий уж точно не питал к Луне ни малейшей любви. Между тем, связи французов с шотландцами до сих пор сохраняли такую прочность, что первые вполне могли счесть вторых подходящим прикрытием для собственных замыслов.

Внезапно Тейлор вскочил на ноги и рванулся к лестнице, ведущей в таверну наверху. Прежде, чем кто-либо успел шевельнуться, дух метнулся ему наперерез. Подножка – и пленный с разбегу рухнул на земляной пол. Пригурд вновь швырнул беглеца на колени и опустил на его плечо тяжелую руку. Гипли проследовал к лестнице – взглянуть, не привлек ли шум нежеланного внимания, и, обнаружив, что все спокойно, вновь повернулся к Луне.

– Как вам угодно поступить с ним, государыня?

Хамфри Тейлор знал об одном из входов в Халцедоновый

Чертог. Располагающего сими сведениями, его нельзя было отпустить назад, в свой приход, а уж тем более – позволить ему связаться с теми, кто дергал его за ниточки. Даже если помутить его память, риск все равно остается велик: слишком он тверд в вере.

– Он – в воле лорда Энтони, – напомнила Луна Гипли (все, относившееся к смертным, требовало согласия Принца). – Можешь сказать ему, что мы рекомендуем оставить где-нибудь на видном месте куклу, зачарованную так, чтоб ее приняли за мертвое тело и погребли. Ну, а самого человека...

Луна бросила взгляд на Хамфри Тейлора. Глаза его пылали все той же жгучей ненавистью. Проще всего было бы прикончить его. Да, проще... но не правильнее. Халцедоновый Двор более так не поступал. Однако уготованное ему Луной вполне могло закончиться точно тем же.

– Помести его на корабль, отправляющийся в колонии, – велела она. – Пусть строит себе новую жизнь там, где ничем не сможет нам угрожать.

Ратуша, Лондон, 14 апреля 1640 г.

Невзирая на боль в голове и изжогу в желудке – память о вчерашнем празднестве – Энтони от души улыбнулся закопченному фасаду Лондонской Ратуши. Вчера у него был за ужином Соам и другие друзья, и все они пили за открытие четвертого парламента, созванного королем Карлом. Правда, дело, вопреки ожиданиям Энтони, изрядно затянулось,

но вот Палата лордов и Палата общин, наконец, вновь встретились в залах Вестминстерского дворца.

Мало этого, Палата общин заседала там прямо сейчас, и Энтони очень жалел о своем отсутствии. Уговорившись с Луной добиться одного из четырех мест, отведенных представителям Лондона, он и не сознавал, сколько все это займет времени. Сколь глупый недосмотр с его стороны! Теперь он не на шутку опасался совершенно выбиться из сил, жонглируя делами городского управления и обязанностями парламентария, и в то же время стараясь блюсти свои торговые интересы.

«Не говоря уж, – шепнула совесть, – об обязанностях там, в недрах земли».

Однако чем он мог помочь Луне в текущих делах – особенно с тех пор, как Эоху Айрт проникся к нему глубочайшей неприязнью? Да, к лондонским контрактам на заселение Ирландии английскими поселенцами Энтони не имел почти никакого касательства – эти соглашения были составлены, когда он, по малолетству, еще штанов не носил, – но, на взгляд сида, место в городском управлении возлагало вину и на него.

А вот парламент был совсем иным полем боя, и в сем бою Энтони всерьез надеялся на победу. Теперь, когда Карл отступился от декларации о единоличном правлении, в стране могло быть восстановлено прежнее равновесие. В надежде быстро покончить с делом и отправиться в Вестминстер,

Энтони поспешил к дверям. Зал, отведенный Общинам, был слишком мал, и в такой час сесть там, скорее всего, негде, однако он рвался на заседание всею душой – пусть даже придется стоять.

Казалось, он угодил в муравейник: большой зал Ратуши кишмя кишел членами совета, клерками, просителями и бог знает, кем еще. Надо было выбрать тот час, когда жалобщики еще не успели устроить засаду. Поспешно склонив голову, Энтони надвинул шляпу на лоб, смешался с толпой и торопливо направился через зал к лестнице наверх.

Улизнув от забот, он обнаружил, что этим утром на заседании Палаты общин отсутствует и кое-кто еще. Наверху его с необычайной для их обычных отношений радостью приветствовал Исаак Пеннингтон. В вопросах религиозных и политических олдермен округа Бридж Вне держался куда более решительных взглядов, чем Энтони, и оба уже не раз сталкивались лбами.

– Так вы не в Вестминстере? – с деланной игривостью заговорил Пеннингтон. – А я-то надеялся, что парламент вам еще не надоел.

Энтони растянул губы в столь же искусственной улыбке.

– Что вы, он вовсе мне не надоел. Просто заглянул сюда по делу.

– Прекрасно, прекрасно! У нас, понимаете ли, обширные планы на следующую пару недель. Хотелось бы видеть на заседаниях и вас.

Обширные планы? Звучало весьма зловеще. Вдобавок, Энтони заподозрил, что это «у нас» означает отнюдь не Общины в целом, а нечто более частное, и принялся лихорадочно перебирать в уме имена, пытаясь припомнить, кто из сотен членов Палаты общин может числиться у Пеннингтона в союзниках. В последнем из Карловых парламентов заседал еще отец Энтони, и, хотя многие видные парламентарии той эпохи почили в бозе или отошли от дел, по крайней мере, один вернулся в парламент снова. В свое время человек этот возглавил попытку отдать под суд прежнего главного советника короля, герцога Бекингема, и сим его политические амбиции отнюдь не ограничивались.

– У вас с Джоном Пимом? – дерзнул предположить Энтони.

В улыбке Пеннингтона заметно прибавилось искренности.

– Вовсе не только у нас двоих. Гемпден, Холлис – правду сказать, нас немало. Мы наконец-то получили возможность восстать против обид, чинимых нам королем, и даром ей пропасть не дадим.

Тревога Энтони усугубилась. Во вчерашней приветственной речи, сказанной королем в честь начала слушаний, таилась несомненная озабоченность угрозой второй войны с шотландцами. Да, Карл надежно похоронил ее в трясине избитых фраз насчет самоотверженной смиренной любви, несомненно, питаемой Общинами к своему самодержцу, однако факт-то был в том, что он созвал их, нуждаясь в деньгах

на подавление мятежных ковенантеров, коих не сумел одолеть в прошлом году.

– Против каких же обид?

– Ну как же, друг мой, против всех, сколько ни накопилось! – рассмеялся Пеннингтон. – Во-первых, пожалуй, вера. Папистские церковные реформы архиепископа Лода – стихари, алтарные ограды и прочие римские мерзости. Клянусь: еще до роспуска парламента епископов мы выставим вон! А взять хоть политику дружбы с подпевалами Рима? Мало нам королевы-католички, так ведь король терпит католических попов даже вне стен ее дома. Да он бы всю Англию Испании продал, кабы это принесло ему хоть малую выгоду! А может, пойдем другим путем – начнем с его посягательств на вольности парламента.

– Король, – заговорил Энтони, тщательно выбирая выражения, – несомненно, будет более склонен обдумать эти вопросы после того, как обеспечит средствами начинания против Шотландии.

Улыбка Пеннингтона приобрела хищный, волчий оттенок.

– О, король получит свои субсидии – но не прежде, чем мы получим право голоса.

Прямое противоречие указаниям Карла... однако Энтони вовремя прикусил язык и вслух этого не сказал. Пеннингтон вряд ли мог забыть вчерашнюю речь и попирал волю короля вполне осознанно.

В известной мере Энтони был с ним согласен. Получив

деньги, Карл будет волен игнорировать созванный парламент, а то и вовсе распустить его, посчитав дело сделанным. Субсидии – единственное их преимущество над королем.

Вдобавок, обиды и притеснения, следовало признать, были вполне реальны. Десять (ныне – уже почти одиннадцать) лет без парламента являли собой лишь внешнюю сторону проблемы. Суть же ее составляло Карлово убеждение, поддерживаемое его советниками и судьями, будто единственная основа всех законов есть воля и желание короля, коим помянутые законы не могут препятствовать ни под каким видом. Отсюда следовали и несправедливые налоги, и все остальное: как они могут быть несправедливыми, если объявлены необходимыми самим королем?

Между тем Пеннингтон так и сверлил Энтони пристальным взглядом.

– Если хотите, мы отведем время и для вашего выступления, – сказал он. – Должно быть, без некоторых дебатов не обойдется, однако мы надеемся, что подготовка биллей к голосованию много времени не займет. Конечно, у Лордов они застрянут, но это только начало.

За сказанным чувствовался невысказанный вопрос, причем весьма угрожающий: «С нами вы, или нет?»

Ответа Энтони не знал. Да, он – не из королевских прихвостней, но то, что он слышал о Пиме и прочих, названных Пеннингтоном, не могло не встревожить. В большинстве своем – фанатичные пуритане, из кожи вон лезущие, лишь бы

подставить королю ножку ради собственных целей. Каковые вовсе не обязательно совпадают с целями Энтони. По счастью, за спиной Пеннингтона показался тот самый клерк, с которым ему требовалось поговорить.

– Если я не закончу дел здесь, – с фальшивой веселостью отвечал он, – то безнадежно опоздаю в Вестминстер и не успею там ничего. А посему прошу меня извинить...

– Разумеется, – сказал Пеннингтон, уступая ему дорогу... но, уходя, Энтони словно бы чувствовал спиной его взгляд.

Постоялый двор «У ангела», Ислингтон, 23 апреля 1640 г.

– Ваша осведомленность мне известна, – заговорила Луна, с благодарной улыбкой приняв кружку меда. – Несомненно, вы обе догадываетесь и о том, что привело меня к вам сегодня.

Присев перед королевой в реверансе, Розамунда Медовар невинно захлопала ресницами.

– Полноте, Ваше величество, мы думали, вам попросту хочется заглянуть к нам в гости!

– И отведать нашего меду, – добавила Гертруда. – И, полагаю, прочего угощения – имеется у нас и хлеб только что из печи, и толика превосходных вишен, и жареный фазан, если желаете чуточку перекусить.

Едва дождавшись ответного кивка Луны, она ринулась собирать на стол все названное и, несомненно, еще кое-что в

придачу.

Как ни любила Луна свой потайной дворец, следовало признать: ни одному его уголку теплом и уютом с домом сестер Медовар не сравниться. Сокрытый под «Ангелом», постоянным двором к северу от Сити, он был излюбленным убежищем придворных, нуждавшихся в отдыхе от Халцедонового Чертога и всех его интриг. У содержавших его сестер-брауни всегда имелась наготове еда и улыбка для всякого друга, заглянувшего на огонек, а в друзьях у них числилось невероятное множество дивных.

Заправив медвяно-русые кудри под льняной чепец, Розамунда расположилась в одном из маленьких, будто детские, кресел, предназначенных для самих сестер и их малорослых гостей. Обо всех формальностях меж собой они давно позабыли (по крайней мере, наедине), и в позволении сесть – пусть даже от самой королевы – она не нуждалась.

– Я так думаю, дело в Никневен, – сказала Розамунда, возвращаясь к вопросу о цели сего визита.

Луна вздохнула. Хотелось бы ей провести вечер попросту, радуясь обществу сестер Медовар, но времени не было. И Розамунда об этом явно догадывалась.

– Помнится мне, вы родом из Приграничья. Но не с шотландской стороны, верно?

Как она и ожидала, брауни согласно кивнула головой.

– К тому же, жители Файфа на нас, на приграничных, все непохожи – даже на тех, кто живет на шотландской сто-

роне, – сказала Розамунда. – Конечно, мы вам всем, чем сумеем, пособим, вот только о Гир-Карлин и ее народе знаем маловато.

Тут в комнату вернулась Гертруда, балансируя огромным – едва ли не в собственный рост – подносом с грудой угощения, какой Луне уж точно ни за что не съесть. Впрочем, судя по тому, как она, расставляя тарелки, бросала в рот ягоды вишни, сестры тоже собирались присоединиться к застолью.

– На что же вы рассчитываете? – спросила она, облизывая пальцы, испачканные вишневым соком.

– На нечто вроде агента, – призналась Луна. – Возможно, у вас найдется друг в Файфе, или знакомый при одном из других шотландских дворов, который мог бы отправиться туда, не бросаясь в глаза. Ведь почти все мои придворные – английские дивные, или те, кто северянам еще более чужд.

– То есть, нужен шпион, – подытожила Розамунда.

В то время, как Бен Гипли ведал тайной службой Халцедонового Чертога во всем, что касалось смертных, делами дивных занимался королевский лорд-хранитель, Валентин Аспелл. Но в некоторых, самых деликатных предприятиях лучшими – и при том не внушающими никому никаких подозрений – помощницами Луны были сестры Медовар.

– О попытке поджога нашей ольхи вы уже знаете, – сказала она. – Как бы мне ни хотелось верить, что Тейлор был послан на это изменником из числа моих собственных придворных – и сколь ни странным может казаться такое желан-

ние, – есть причины полагать, что за этим стоит Никневен. Если так, значит, на севере что-то изменилось. Мне нужно выяснить, что.

Гертруда широким жестом указала на стол, приглашая королеву отдать должное угощению, и Луна послушно принялась намазывать маслом ломоть свежего хлеба. «А ведь эта простая еда может прийтись по сердцу Эоху Айрту, – подумала она, вспомнив его презрительные замечания насчет изысканных придворных пиров. По-видимому, ирландцы привыкли пировать проще. – Попробую пригласить его сюда и посмотреть, не улучшится ли его расположение духа».

Впрочем, отвлекаться не стоило: самой насущной задачей в этот момент была не Ирландия, а Шотландия. Тем временем меж сестрами Медовар состоялся целый разговор из взглядов и нечастых отрывистых полужагов. Наконец Розамунда сказала:

– Может, это и не Гир-Карлин? Вы ведь помните, кто при ее дворе приютился.

Непрожеванный хлеб застрял в горле. Пришлось запить его солидным глотком меда.

– Да, – мрачно ответила Луна. – Кентигерн Нельт. И – да, я уже размышляла, не может ли это оказаться ни более, ни менее, как местью за Альгресту.

Конечно, сестру великан не любил: Луна всерьез сомневалась, что ему вообще ведомо чувство любви. Однако ги-

бель Альгресты в битве Кентигерн счел смертельной обидой и имел причины винить в этом Луну – ведь битва случилась из-за нее. В изгнание он был отправлен именно с тем, чтобы предотвратить любые попытки отмщения: попробуй он отомстить, Луне пришлось бы предать его казни, а этого ей отнюдь не хотелось. Однако, будучи изгнан, Кентигерн вернулся на прежнюю родину, на север, и поступил на службу к Неблагой королеве Файфской.

Оставив в Лондоне брата, Пригурда. Который, единственный из звероподобной троицы Нельтов, служил не из ненасытных амбиций, а из верности, и был готов удостоить своей верности Луну. Некоторые утверждали, будто ему нельзя доверять – по крайней мере, настолько, чтоб жаловать его капитанским достоинством и прежней должностью Альгресты, однако кроме Халцедоновой Стражи Пригурд не знал ровным счетом ничего. К тому же он, пусть и не блистал умом, но долгу был неизменно верен.

– Будь это месть, – сказала Гертруда, – с ней можно бы разобраться, отправив на север Пригурда.

И Розамунда, и Луна уставились на нее с откровенным недоумением.

– Пригурда – в дипломаты? – переспросила Розамунда, будто не веря собственным ушам. – Маб его возлюби, у него же и трех собственных мыслей в голове не сыскать. Кентигерн снимет с него шкуру, разделает на мясо и подаст Никневен сырым.

Да, мягкость Гертруды была восхитительна, но зачастую доходила до наивности.

– Не думаю, что кто-либо способен отвратить Кентигерна от мести одними лишь уговорами, – согласилась Луна. – Но я сомневаюсь, что все это – просто его затея. Предоставленный самому себе, он, скорее, явился бы в Халцедоновый Чертог среди ночи, с топором в руках, алкая моей крови. Если уж на то пошло, Никневен его, скорее, сдерживает, чем потакает его страстям.

С восхождением Луны на престол двор покинул не только Кентигерн, и даже не он один переселился в Файф. Но остальные ушли мирно, либо бежали так далеко, что их опасаться не стоило. И...

Пришедшая в голову мысль исторгла из груди Луны стон. Сестры взглянули на нее с одинаковым удивлением на лицах.

– Эоху Айрт, – пояснила она. – Он заявил, будто располагает полезными для меня сведениями. А ведь ольстерцы прежде имели дела с Шотландией. Быть может, королю Конхобару, или еще кому-нибудь в Ольстере известно об этом новом злоумышлении Никневен.

– Чего ж они желают взамен? – спросила Гертруда.

«Избавить Ирландию от английских поселенцев и от власти английского короля».

– Устранения Уэнтворта, – ответила Луна. – Коего мне мягкими способами не достичь. Я предлагала Айрту все, что могу, но он ничем не прельстился. Значит, нужно исхитрить-

ся отправить в Файф собственного агента.

Брауни с сомнением переглянулись.

– Что ж, мы попробуем, – без особой надежды сказала Розамунда. – Есть у нас в Приграничье пара друзей, которые могут сгодиться.

– Я буду очень благодарна, – откликнулась Луна.

– Вот и ладно, – подытожила Розамунда. – А я буду очень благодарна, если вы не позволите этому фазану пропасть зря. Подзаправьтесь, Ваше королевское величество: без пищи всех бед нашего острова не избыть!

Часовня Св. Стефана, Вестминстер, 5 мая 1640 г.

«Три недели этого бедлама – и все напрасно!»

Этот рефрен вновь и вновь крутился в голове Энтони, шагавшего через вестибюль к дверям часовни Святого Стефана, где заседала Палата общин. Три недели все более и более горячих споров, но Пим и его сторонники твердо стоят на своем, несмотря на возобновившуюся вражду с Шотландией. От религии и до власти над гражданским ополчением... и перечень требуемых ими перемен продолжает расти.

Кое-какими ресурсами Энтони располагал, но и у них имелись пределы. Дивные соглядатаи Луны и смертные агенты Бена Гипли держали руку на пульсе Палаты лордов и Тайного Совета короля, но властью над сими учреждениями он не обладал – знал только общее содержание их дискуссий. И то, что ему доносили, отнюдь не обнадеживало. Карл, как

всегда пребывал в уверенности, будто оппозиция Общин – дело рук горстки злопыхателей, тогда как большинство держится более мягких, уступчивых позиций. Но ведь тот же самый Карл неизменно ожидал, что дела пойдут так, как ему того хочется, независимо от обстоятельств; тот же самый Карл затыкал уши, едва услышав, что положение хуже, чем он думает. Советники его были слабы, немногих же сильных – Уэнтворта и архиепископа Лода – ненавидели всей душой. Гниль в правительстве Англии поразила далеко, далеко не одного человека.

Даже в столь ранний час вестибюль кишмя кишел клерками, слугами да и просто людьми, надеявшимися представить на рассмотрение Общин свои дела. Здесь было куда хуже, чем в Ратуше: прежде, чем миновать барьер у входа в часовню, Энтони пришлось отбиваться от ходатаев из трех графств. Все трое жаловались на корабельную подать, и это ничуть не удивляло. Корабельная подать была самым ненавистным налогом от края до края Англии.

Главной загвоздкой (мысли его раз за разом возвращались к Палате общин) было отсутствие лидеров. Уэнтворт, один из самых дельных членов Палаты одиннадцать лет тому назад, недавно получил титул графа Страффорда и, как таковой, занял место среди Лордов. Да, по-своему этот человек был так же слеп, как и Карл, а врагов наживал просто-таки виртуозно, но, по крайней мере, дело делал! В его отсутствие партию короля охватил разброд, а Джон Пим со товарищи

организовали сильную оппозицию.

Отношение Энтони к Пиму превратилось из пустякового сомнения в откровенное недоверие. Будь он просто ревнителем пуританских реформ, все и тогда было бы достаточно скверно, однако этим его амбиции вовсе не ограничивались. Похоже, Пим видел в парламенте не поддержку, а узду, ошейник для короля. Он желал власти в вопросах, со всей очевидностью являвшихся королевской прерогативой, и с этим Энтони согласиться не мог. И, таким образом, застрял посредине.

Оказавшись в стенах часовни, среди изогнутых подковой рядов сидений, Энтони на миг почувствовал себя медведем, намеченным для травли. С этим ощущением он и занял свое место среди остальных, неподалеку от спикерского кресла. Приверженности к соседям он не испытывал: Пеннингтон с Крэддоком твердо держали сторону Пима, и Соам день ото дня все больше склонялся к тому же. Но позади них сидел сэр Фрэнсис Сеймур, старый отцовский друг и союзник по прежнему парламенту, и рядом с ним в этом еще не изученном лабиринте казалось как-то уютнее.

Скользнув на скамью впереди рыцаря и негромко приветствуя его, Энтони собрался с духом.

«Прошло всего три недели. Я поведу этот танец за собой».

Не в сторону требований короля, не к бунтарским реформам Пима, но средним, умеренным курсом. Дело нелегкое, но со временем он своего добьется.

Тут его взгляд привлекло нечто странное.

– Где же Гленвилл? – шепнул он на ухо Сеймуру.

Кресло спикера пустовало, хотя время молитвы, которой открываются слушания, уже подошло.

Сеймур покачал головой.

– Не знаю. И, должен сказать, не нравится мне все это.

Энтони чувствовал то же самое. Накануне Гленвилл выступил с довольно резкой речью, что никак не могла принести ему благоволения короля. Неужто Карл зашел столь далеко, что решился сместить спикера Палаты общин? Да, Пим с радостью объявлял нарушением привилегий парламента любую мелочь, но в этом случае Энтони вынужден был бы с ним согласиться. Нет, разумеется, король не нанесет парламенту столь вопиющего оскорбления – тем более, что Палата уже с ним в раздоре! Ведь это положит конец всем надеждам на примирение...

Охваченный тревогой, он склонил голову и начал молитву. Что будет дальше, если Гленвилл смещен? Да, Энтони знал: бывало, спикеры кончали скверно – не зря же избранного, согласно традиции, волокут к креслу волоком, – но полагал, что все это в далеком прошлом.

– Аминь, – провозгласили собравшиеся (некоторые – с куда большим рвением, чем остальные).

Вдруг двери в часовню распахнулись. Вошедший, человек с черным жезлом в руке, остановился перед столом спикера. Клерки в углу замерли от удивления, занеся над бумагою

перья. На Максвелла, герольдмейстера Палаты лордов, возлагалась обязанность призывать Общины на совместные заседания обеих палат. В отсутствие Гленвилла это не сулило ничего хорошего.

– Изволением Его величества, – громко объявил Максвелл, – вам, рыцарям, служителям церкви и вольным горожанам его Палаты общин, надлежит без промедления предстать перед Его величеством, на общем с Палатою лордов заседании.

Ругательство, вырвавшееся у Энтони, утонуло в громкой ругани остальных. Несколько человек вскочили, выкрикивая вопросы, но Максвелл и ухом не повел. Он попросту бесстрастно ждал, когда Общины следом за ним отправятся в просторный зал, где собирались Лорды.

– У вас во всем этом опыта больше, чем у меня, – заговорил Энтони, склонившись к Сеймуру. – Скажите, есть ли у Его величества хоть одна хорошая причина призывать нас именно сейчас?

Морщинистое лицо старика обмякло, потемнело, в глазах блеснул мрачный огонек последней – на грани гибели – надежды.

– Хорошая... Если для нас, то вряд ли. Возможно, сокрушительное поражение в Шотландии. Или мятеж в Ирландии – может статься, эти планы вооружить ирландцев против скоттов принесли ожидаемые плоды. Или еще какая-нибудь катастрофа.

«И это – лучшее, на что мы можем надеяться».

Энтони стиснул зубы и возвысил голос, перекрикивая поднявшийся гомон.

– Спорить здесь бессмысленно! Нас призывают к Лордам – там мы и получим все ответы! Идемте же, покончим с неизвестностью!

Не прекращая недоуменного, гневного ропота, парламентарии построились и двинулись вслед за Черным Жезлом по коридорам Вестминстерского дворца. Войдя в зал Лордов и увидев у дальней стены Гленвилла, Энтони похолодел. Круги под глазами спикера темнели, словно кровоподтеки. Неподалеку, в роскошном кресле, сидел Карл Стюарт, первый носитель сего имени, милостью Божией король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, Заступник Веры, и прочая, и прочая. Помост, на коем стояло его кресло, возвышал короля над остальными, но и это не могло скрыть его тщедушной стати. Порой Энтони задавался вопросом: уж не в этом ли изъяне, из-за коего он в вечном проигрыше перед людьми рослыми и сильными, кроется причина его упрямства?

В эту минуту упрямство было просто-таки написано на его лице крупными буквами. Члены Палаты лордов сидели по местам. Войдя в зал, Общины остановились посредине, между пэрами и епископами. Сгрудившиеся впереди заслонили вид, однако, склонившись влево, Энтони сумел разглядеть короля. Губы его меж роскошными усами и остроконеч-

ной бородкой были крепко, раздраженно поджаты.

Как только двери за последним из вошедших затворились, король заговорил.

– На свете нет повода посетить этот зал, – мерно, неторопливо, дабы свести невнятность речи на нет, сказал он, – более неприятного, чем сегодняшней.

У Энтони подвело живот. По мере того как Карл продолжал говорить, благодаря лордов верхней палаты за их благие стремления, неприятное, ноющее чувство внутри только усиливалось.

– Если способ завершить этот парламент благополучно и существовал, – говорил король, – не ваша, милорды, вина в том, что все обернулось иначе.

На что бы ни надеялся старик Сеймур – на объявление о бунте в Ирландии, или о том, что шотландцы захватили север, а голландцы потопили весь английский флот, а Карл продал Англию Испании – в эту минуту все его надежды рассыпались в прах. Чему Энтони, со своей стороны, ничуть не удивлялся. Особенно после того, как увидел Гленвилла.

Гленвилла, возглавлявшего Палату, на которую Карл недвусмысленно возлагал вину.

Сделав паузу, король мимоходом кивнул лордам, словно приглашая их разделить его недовольство.

– Без парламента, – весьма неубедительным тоном добавил он, – я с той же, если не с большей готовностью, выслушаю и удовлетворю те же самые жалобы, что и с парламен-

том.

«Неправда, – подумал Энтони, чувствуя закипающий в груди гнев пополам с горьким разочарованием. – Неправда, иначе мы ни за что бы до всего этого не дошли!»

Карл мог сколько угодно заявлять, что сохранит чистоту веры, проповедуемой Церковью Англии, мог напомнить, что промедление с субсидиями на продолжение войны опаснее отказа... Но все это уже не стоило ни гроша, ибо сии роковые слова все услышали еще до того, как Карл приказал лорду-хранителю Большой печати произнести их.

Роковые слова, что обратили в золу и угли все победы Энтони, все его надежды на будущее...

– Изволением Его величества, – заговорил лорд-хранитель, и голос его зазвенел, отражаясь от стен зала, где меньше месяца тому назад все присутствующие собрались на церемонию открытия, – парламент сей распускается, а всем вам, рыцари, служители церкви и вольные горожане, дозволяется разойтись. Итак... Боже, храни короля!

Халцедоновый Чертог, Лондон, 5 мая 1640 г.

Постукивая веером по подлокотнику в такт аллеманде, Луна наблюдала за кружащимися в танце придворными в пышных нарядах. Музыку на сей раз исполнял целый камерный оркестр смертных, по слухам, похищенных из некоего богатого дома на Стрэнде, хозяин коего – пэр или кто-то вроде – нанял их для собственного увеселения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.